

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

ЧУВСТВ

Читайте остросюжетные

психологические романы

Ирины **ГРИН**

в серии «Переплетение чувств»:

Нарушенная заповедь

Стать смыслом его жизни

Бог счастливого случая

Эффект прозрачных стен

Сквозь аметистовые очки

Чужая лебединая песня

Сети кружевницы

ИРИНА ГРИН

ЧУЖАЯ
ЛЕБЕДИНАЯ
ПЕСНЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Грин, Ирина.
Г85 Чужая лебединая песня / Ирина Грин. —
Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Переплете-
ние чувств).

ISBN 978-5-04-112178-5

Программист Федор Лебедев привык жить один, но однажды ночью на его пороге возникла прекрасная незнакомка. Девушка ранена и не может рассказать, что с ней случилось...

Ася Субботина сильно встревожена — Федор, ее друг и коллега по работе в детективно-консалтинговом агентстве «Кайрос», попал в большую беду. Федора подозревают в убийстве, он пустился в бега, но перед этим обратился к Асе со странной просьбой — купить конверт с тюльпанами...

Никогда не знаешь, что принесет тот, кто стучится ночью в твою дверь, — горькое разочарование или большую удачу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112178-5

© Грин И., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Порыв теплого сентябрьского ветра мягко подтолкнул в спину, и Раиса, до этого едва передвигавшая ноги, зашагала быстрее. Видавшая виды сумка на колесиках заскакала следом, подпрыгивая на неровностях убитой дождями дороги.

— Потерпи, уже почти пришли, — то ли сумке, то ли себе сказала Раиса.

И действительно, до цели ночного похода было рукой подать — впереди двумя путеводными звездами светились фонари, установленные возле контейнерной площадки, именуемой в народе «Столетовской мусоркой». Знаменита она была тем, что находилась возле дороги, на выезде из микрорайона, и пользовались ее услугами не только жители соседних домов, но и автомобилисты, которые, загрузив в багажник пакеты с мусором, могли проехать не один день и, лишь увидев по пути внушительное сооружение, вспомнить о необходимости освободиться от отходов.

Мусорка пользовалась интересом у определенных слоев населения тем, что на ее высокое ограждение доброхоты вывешивали ненужную одежду, выставляли обувь, которая еще вполне может послужить.

Как-то Раиса обнаружила здесь абсолютно целую дубленку.

Очевидно, хозяйка сдала ее в химчистку, и после стирки вещь немного села и скукожилась. Хотя по-прежнему оставалась теплой и приличной. В ней даже на улицу не стыдно днем выйти. Но сейчас еще тепло, в дубленке особо не пощеголяешь, и Раиса передвигается в основном по ночам.

Не очень приятно, когда вслед тебе тычут пальцами и говорят пренебрежительно: бомжиха. А какая она бомжиха? Жилье у нее есть. Вполне определенное место жительства. Правда, без воды, света и газа. Но крыша над головой имеется.

Когда-то, при СССР, таких, как она, называли бичами, что расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек». А что такое интеллигентность? Наверное, это, в первую очередь, способность мыслить. А мыслить Раиса в последнее время стала гораздо больше, чем когда бы то ни было. Жизнь, которую она вела, сделала ее философом. Пусть доморощенным, но все-таки философом. Опять же здесь, на мусорке, она несколько раз натыкалась на книги, аккуратными стопками выставленные у забора. Их Раиса забирала в первую очередь. Их и еще одежду. Больше ничего. До того, чтобы выискивать в помойке еду, она еще не докатилась. И, даст бог, не докатится.

А книги разные попадались. Один раз еле доперла до дома аккуратно перевязанную веревкой стопку. Развязала — и хоть плачь, хоть смейся: «Справочник металлиста» в пяти томах, все как на подбор толстые, ярко-алые, и шесть томов — «Проектирование цехов машиностроительных заводов». Полистала — всё какие-то таблицы, формулы. Выбрасывать не стала, стоят на подоконнике рядком.

А один раз нашла «Американскую трагедию» Драйзера в двух томах. Так не то что прочитала — проглотила. Два дня не выходила из дома, а когда дочитала, долго

плакала. Любовь, страсть, расчет, предательство, убийство... Книга захватила в плен и долго не выпускала.

В этот момент размышления Раисы прервал жуткий звук: где-то совсем рядом завывала собака. От страха сердце подскочило к горлу и мелко-мелко задрожало. А вой дошел до невыносимо высокой ноты, а потом сорвался на отрывистый лай.

«Собака, это всего лишь собака», — попыталась успокоить себя Раиса, но сердце вдруг замерло, парализованное первобытным страхом, вылезшим из самых потаенных глубин подсознания.

«К покойнику», — поняло оно.

«Предрассудки», — возразила ему Раиса.

Но разве можно переспорить собственное сердце?

Раиса попятилась, наступила на сумку, не удержала равновесие и упала, больно ударившись коленкой. Сумка, загрохотав, упала рядом. Вой прекратился, от мусорки шарахнулась тень.

— Вот видишь, — сказала себе Раиса, — это всего лишь собака.

Пес, такой же облезлый и худой, как Раиса, поджав хвост, рванул в темноту, а за ним призрачной туманной дымкой потянулся Раисин страх.

Нет, собак она не боялась. Гораздо страшнее люди.

С трудом поднявшись, Раиса подошла к ограде. Нога болела, но не зря же она проделала весь этот путь, чтобы теперь уйти вот так, с пустыми руками. Тем более внизу, под баками, громоздилась большая куча одежды. Наверняка найдется что-нибудь по размеру.

Спешить Раиса не стала. Сначала осмотрела выставленную у ограждения обувь. Неплохие кроссовки без шнурков оказались малы. Туфли побольше вроде впору. Они мужские, но вполне можно носить под брюки. Правда, левый немного скособочен, ну да ладно, сойдет.

Сунув туфли в сумку, Раиса подошла ближе к контейнерам.

Наклонилась, чтобы получше рассмотреть потенциальную добычу, и приглушенно вскрикнула от ужаса. Это была женщина. Прикрытая простыней и явно мертвая, потому что у живых не может быть такого взгляда.

Раиса присмотрелась к женщине — за годы походов по свалкам она успела свести шапочное знакомство с некоторыми «коллегами» и боялась увидеть знакомое лицо. Ей двигала вовсе не жалость, а, скорее, боязнь, что она может оказаться следующей. Но эту женщину Раиса определенно никогда не видела.

Очевидно, ее ударили по голове — волосы справа слиплись от крови. Под левым глазом фиолетовой кляксой темнел синяк. Но это не мешало ей улыбаться. Хотя улыбка эта была какой-то неприятной. Издевательской, что ли? Не каждому понравится, когда на него смотрят с такой улыбкой. Не каждый стерпит ее молча, не ответив резким словом. Или ударом по голове.

«Кто ты? — мысленно спросила Раиса у незнакомки. — Такая же, как я, собирательница полезностей на задворках чужих жизней или..?»

Любопытство пересилило отвращение и страх. Раиса присела перед женщиной на корточки и потянула за край простыни...

Глава 1

Федор Лебедев придержал дверь подъезда, выпуская старушку с собачкой, и вежливо поздоровался:

— Здравсти!

Старушка покосилась на него и пробормотала что-то себе под нос: то ли ответное приветствие, то ли что-то вроде «ходят тут всякие». И хотя «всяким» Федор не был — жил в этом доме уже почти три года и с бабулей этой уже сто раз сталкивался, но ход ее мыслей был прост, как элементарная консольная программа: люди, живущие в престижном особняке в центре города, должны выглядеть соответствующе. Например, как Кристина Светлова, генеральный директор детективно-консалтинговой фирмы «Кайрос», в которой работал Федор, чью идеальную прическу, казалось, не в состоянии был нарушить даже самый сильный ураган. Или ее зам, Тимур Молчанов, в прошлом владелец крупного банка, чьи идеально сидящие костюмы куплены явно не в масс-маркете¹. Да и сама бабуля одета вполне прилично, и оскаленные в презрительной ухмылке зубы явно изготовлены в дорогой стоматологической клинике. Пес немного подкачал — пушистый плоскомордый мало-

---

¹ Подробнее с сотрудниками агентства «Кайрос» можно познакомиться в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

рослик с выпученными глазами. Тут больше бы подошла борзая с аристократически удлинённой маленькой головкой или королевский дог. И пусть дому, слегка облезшей трёхэтажке, уже больше ста лет и часть квартир в нем не особо приспособлена для жилья, но когда-то, при прежних хозяевах, личности, одетые, подобно Федору, в мятые футболки, драные джинсы и кеды, чьи высунутые до предела языки делают их похожими на гончих псов, входили в него исключительно с черного хода. Конечно, кеды были нарочито уродливыми, а драли джинсы не собаки, а стилисты, но объясняться Федор не собирался. Ему нравилось эпатировать окружающих своим внешним видом, и он не собирался отказываться от этой привычки.

Квартира, в которой обитал Федор, принадлежала бабушке его институтского друга Михаила Кондратьева. Когда-то она была частью огромной бальной залы. (Именно так — не зала, а залы.) Высоченный потолок, огромное окно, напротив окна — самый что ни на есть настоящий камин и... И все. Сразу за окном шла глухая стена — после революции из залы «нарезали» десяток комнат, в которых поселилось три десятка жильцов.

Прадед Михаила, Иван Кондратьев, занимал какой-то важный пост, и ему достались апартаменты с отдельным входом. В остальную часть бывшей залы попасть можно было из другого подъезда — того самого черного хода. Ивану Кондратьеву несказанно повезло: у него было отдельное жильё. Немного омрачало радость отсутствие удобств. Но Кондратьев был человеком рукастым, опять же высокий пост позволял пользоваться бесплатной рабочей силой, и вскоре кусок залы обзавелся крошечной кухней, таким же микроскопическим санузлом и небольшой комнаткой без окон — кабинетом.

Через пару лет прадед женился. Перегородка, делившая комнату на части, была сдвинута, что позволило

увеличить кухню, соорудить в туалете душ и расширить кабинет. Еще через пару лет кабинет превратился в детскую, которая в свою очередь преобразовалась в спальню. И в таком виде квартира просуществовала много десятилетий. После смерти Ивана Кондратьева хозяйкой стала его дочь, Александра Ивановна Кондратьева. Умирая, она завещала квартиру своему внуку, Михаилу, при условии, что она навсегда останется в этом доме.

Бабушку Шуру Михаил Кондратьев очень почитал, хотя в душе считал ее натурой несколько взбалмошной и эксцентричной. Подпись нотариуса на завещании подтверждала дееспособность бабушки в момент его составления, поэтому причин для оспаривания последней воли покойной не было. Да собственно, и не собирался никто оспаривать.

Впервые оказавшись в квартире Михаила, Федор впал в ступор. Высоченный потолок, как в торговом центре, голые белые карапузы, водившие хоровод вокруг люстры — здоровенной грозди хрустальных шариков на невысказанно длинной золоченой цепи... А еще камин. Самый настоящий камин — огромная черная пасть, напоминающая портал в Майнкрафт. Немного портило картину нагромождение чисто женских безделушек на венчавшей его полке. Каких-то нелепых ваз, банок, склянок, фарфоровых мишек, собачек, младенцев и иже с ними. А еще выше висел портрет женщины с таким властным выражением лица, что Федор поначалу даже немного струсил — сейчас его стопудово попросят из этой невысказанной квартиры.

— Это моя бабушка Шура, — пояснил Михаил. — Тут она не очень на себя похожа. Слишком важная. На самом деле она была очень добрая. И даже художнику сказала, что портрет получился отличный, хотя на самом деле он ей не понравился. Художник, кстати, был очень известный.

После слова «была» Федор расслабился и, пропустив между ушей фамилию художника, рванул к монитору компьютера Михаила, возвышавшемуся на столе слева от камина. Сам по себе стол был довольно большим, но по сравнению с камином, люстрой и портретом казался детской игрушкой. Как и наилучшее кресло с рыжим кожаным сиденьем, высокими подлокотниками и спинкой из черной сетки.

Кресло протяжно скрипнуло, когда Федор с восторженным «ух ты!» плюхнулся в него. А комп у Мишки был так себе. Лебедевский ноутбук покруче. И главное — приспособлен для жизни в университетской общаге, где «все вокруг колхозное и все вокруг мое». И где «покой нам только снится» и уединиться можно разве что в туалетной кабинке, да и то не всегда. А у Мишки — пожалуйста. Хоть в спальне, хоть в кухне. Да хоть рядом с ним, за тем же столом на трехногом табурете. Именно здесь они склепали свой первый сайт. И пусть дизайн его был предельно аскетичен, а содержание страниц — статично, но наличие чата и форума позволило получить первые оценки своей работы, а также предложения от потенциальных заказчиков.

После окончания университета пути друзей разошлись.

Михаил с лету устроился в престижную IT-компанию, а Федору все как-то не везло. Если бы для приема на работу требовалось только умение писать коды, то проблем бы не было. Но первоначально нужно было преодолеть заслон в лице эйчаров¹, которыми обзавелись все мало-мальски уважающие себя конторы. И эйчары эти, мило улыбаясь, задавали какие-то вопросы, абсолютно не касающиеся работы, и потом, так же мило улыбаясь, обещали перезвонить через неделю. И не перезванивали. А на по-

---

¹ HR-менеджеров, менеджеров по персоналу.

пытки Федора узнать, в чем, собственно, дело, ему отвечали, что, к сожалению, вакансия уже занята. И только в одной из фирм девушка-секретарь, сжалившись над невезучим соискателем работы, сказала, что результаты собеседования показали расхождение его мотивационных и поведенческих аспектов с общей стратегией фирмы.

— А что это значит? — спросил Федор.

На что девушка неопределенно пожала плечами.

Вернувшись домой — после окончания университета «домом» Федора стала комната на восьмерых в хостеле с идиллическим названием «Дубки», — он забрался в свою кровать, задернул тяжелую синюю штору, отделявшую его «апартаменты» от остального мира, надел наушники для обеспечения необходимой степени уединения и долго гуглил непонятную фразу. Для верности еще поинтересовался на форуме, что эта словесная конструкция может обозначать и как с этим бороться.

— Ненадежный ты, брат, и безответственный, — пояснил один из интернет-гуру.

Лебедев с подобным вердиктом был абсолютно не согласен. Он считал себя достаточно надежным. И даже как-то имел возможность взять на себя ответственность. Один раз. На третьем курсе, уже в конце учебного года, он познакомился с девушкой, которая предложила отправиться на майские праздники в Адыгею. Типа, красота, дикая природа. Если честно, такие варианты отдыха Лебедеву не нравились. Пустая трата времени. Красоту можно и в интернете посмотреть. Но девушки у него появлялись нечасто, и разбрасываться ими ему был не резон. Поэтому Федор скрепя сердце согласился, о чем впоследствии неоднократно пожалел.

Во-первых, в экскурсионной группе он оказался единственным представителем мужского пола, не считая, конечно, водителя автобуса. Во-вторых, девушки оказались любительницами экстрима, и в планах поезд-

ки значился рафтинг по реке Белой. Отказаться Федор не смог — мнение о нем у спутниц и без того было не слишком высоким.

— А девушки не замерзнут? — спросил он у инструктора, рыжеволосого здоровяка по имени Кирилл в облегающем гидрокостюме цвета морской волны.

— А мы на что? — скабречно ухмыльнулся тот.

Федор подозрительно посмотрел на чересчур говорливого инструктора, взял у него гидрокостюм и пошел в раздевалку. Сказать, что костюм оказался большим — просто слукавить. Он был огромным, и щедущий Федор сделался похожим на шарпея, ставшего на задние лапы. Везде, где у Кирилла были внушительные выпуклости, у Федора пузырились складки. Наверное, инструктор, в порядке самоутверждения, спецом подsunул единственному мужчине в группе костюм не по размеру.

— Держи! — Кирилл вручил Федору весло. — Сегодня ты несешь ответственность за жизнь девчонок.

Лебедев собрался было возразить, но не успел — вооруженные такими же, как у него, веслами, девчонки с визгом полезли в воду. Причину визга Федор понял, последовав за ними — вода оказалась ледяной. Хваленый гидрокостюм защищал от влаги, но не от холода. Рафт — надувная лодка, казался ненадежным для путешествия по горной реке. У него даже ручек не было, чтобы держаться. Потом оказалось, что ручки есть, только на днище, для ног.

Первые пятьдесят метров путешествие проходило сносно, если не обращать внимания на вмиг заледеневшие ноги, а потом вода вокруг вскипела, подхватила рафт, закружила, девчонки закричали. Водопад ледяных брызг ударил в лицо. Рафт накренился, зарылся носом в воду.

— Гребем! Мощно! — раздался голос инструктора. — Раз! Раз! Федор! Не забывай! Жизнь девчонок в твоих руках! Раз! Раз! Мощно!

И Федор греб, не видя ничего вокруг, пока не услышал крик:

— Отдыхаем!

Он устало опустил весло. Девчонки разом затрещали, делясь впечатлениями, а Федор только крепче стиснул весло — впереди еще почти десять километров сплава, рано расслабляться. И он был прав. Не прошло и пары минут, как река снова зашумела, закипела, подхватила рафт, закружила, словно чайнику в чашке с чаем.

— Гребем! Мощно! Раз! Раз! Раз! — заорал инструктор, и Федор снова греб: раз, раз, раз...

Из этого приключения Федор сделал два вывода. Первый: костюм — это условность. Главное, чтобы было удобно тебе. А что о нем думают окружающие, это их проблемы. Второй: ответственность — это не для него. На этих выводах он сформировал свою жизненную позицию и отступать от нее в обозримом будущем не собирался. И не особо эти принципы Федору мешали. Работу он с горем пополам нашел. Правда, вылетел с нее именно из-за безответственности¹.

Михаил оказался более ответственным, а может быть, эйчар ему попался более покладистый. Или эйчарша — Мишка умел ладить с женщинами. И почти сразу после университета он попал не куда-нибудь, а в Бангалор, индийскую Кремниевую долину. А перед отъездом предложил Федору жить в его квартире. Просто так, бесплатно. С условием, что тот будет хотя бы изредка наводить порядок, стирать пыль с безделушек на каминной полке и бабушкиного портрета. Последней цели служила метелочка из перьев какой-то диковинной птицы. Не иначе, как той самой птицы счастья, которую Мишка поймал за хвост и вслед за которой оказался в Индии.

---

¹ Читайте об этом в романе Ирины Грин «Нарушенная заповедь».